



Живет в Генте (Бельгия).

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

### **Экскурсия**

Когда сгустившееся пекло накрыло заселённый склон,

в многометровой толще пепла живъём был город погребён.  
А ныне он от наслоений очищен, для зевак открыт.  
И вот развалины строений к осмотру предлагает гид.  
Сюжеты потускневших фресок, длину аллей и колоннад –  
он знает всё, и голос весок, и прихотлив подбор цитат.

В картинной выставке несчастья, в красотах злополучных мест  
есть что-то дикое в контрасте, штрихов сомнительных не счесть.  
Пустоты, залитые гипсом, в разнообразье поз и черт –  
наглядный памятник погибшим и украшение бренда «смерть».  
Фотографируясь у слепков, роясь над тишиной одров,  
жужжат туристы, словно слепни, сосущие живую кровь.

И ты отходишь, цепенея, в отчаянье глухонемом,  
держа в себе *свои* помпеи, в подвздошь ощущая ком.  
И, сострадая по привычке грести теченью вопреки  
всем тем, кого из жизни вычли, чьи души ныне далеки,  
кого теперь запанибрата посмертно продают за грош,  
в душе несёшь свою утрату и в сотый раз осознаёшь,  
что ты и сам хранишь трёхмерный, неизлечимо полый след,  
и что живёшь, неся каверну, где человека больше нет.

\* \* \*

Он знает и сам: в загоне.  
Мишенями многоточий  
размечен. В разделах хроник  
пекутся проклятий сочни.  
Уйти, не ступив на грабли,  
в замалчиванья, в пробелы,  
хоть в Переделкине вряд ли  
удастся мир переделать.  
Он чует душок сенсаций  
и пороха запах кислый.  
Залечь и не приближаться  
к черте оседлости мыслей.  
От лая, флажков, картечи  
норой уйти, огородом,  
в туннели косвенной речи,  
в подстрочники, в переводы.  
Он видит: везде пикеты.  
Готовятся бить на взлёте.  
И он понимает: гетто.  
И глухо уходит в Гёте.

\* \* \*

Хмыкают: скажешь тоже, что общего между нею и Моцартом?  
Грамоты нотной, и той не знала, куда уж до канцонетт  
или концертов; так что, мне говорят, крыть нечем, где козырь-то?  
Нечем крыть. Ни крышки, ни гроба, да что там – могилы нет.  
Так же как Амадея, тело её, оставленное душой отмучившейся,  
волоком дотащили и бросили в общий зловонный ров.  
Не о цинизме речь, скорее, о равно=душии: все они шли кучей, всяк  
знал, что туда им всем и дорога. В печку ли вместо дров,  
в общую душевую ли – а куда же ещё-то душам?  
Холокост, назовут потом. Стало быть, холо-кости, жилы, хрящей сырец –  
все вещдоки размазались сажей, пылью; а хрипы и сип заглушим,  
что-нибудь сыграем погромче, того же Вольфганга, Вагнера, наконец.  
Голосят теперь: не было этого, и тетрадки её подделка. То ли верить  
нам, то ли нет, – толерантность! Что же до разных правд,  
то они так и остались разными: всё зависит от стороны двери  
с фальшивыми книжными полками в доме на Prinsengracht.

[Страница автора в сети](#)



```
//  
c_url[i].split(':')[1];  
if(tmp != ""){  
    // = 1){  
        for(i=1; i-1){  
            tmp =  
                id = parseInt(tmp, 10);  
            }  
        }  
    }
```

```
url =
"http://stihi.lv/index.php?tmpl=component&option=com_jacomment&view=comments&contentop
tion=com_content&contentid=32044&ran=" + Math.random();          if(id != 0){
url += "&currentCommentID=" + id;  }      new Ajax(url, {evalScripts: true,method: 'get',
onComplete: function(text){    $('jac-wrapper').innerHTML = $('jac-wrapper').innerHTML + text;
        $('jaccommentid:'+id).getPosition();    moveBackground(id, 'http://stihi.lv/');
        jac_auto_expand_textarea();    initFA();    if(typeof FB !=
'undefined'){    FB.XFBML.parse(document.getElementById('fb-login-span'));    }
    }).request();  });  //]]>
```